

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕДМЕТНОГО И РЕФЛЕКСИВНОГО УРОВНЕЙ

Предметом изучения в статье выступает доминирующая в современной экономической теории исследовательская программа. На конкретных примерах демонстрируется различие функционирования теоретических конструктов в философско-мировоззренческих доктринах и экономической теории. Особое внимание уделено демаркации предметного и рефлексивного уровней экономического исследования.

Ключевые слова: основания науки, рефлексия, идеальная модель.

Отличительной чертой современных методологических исканий в экономической теории является отход от признания классовой дифференциации как единственной силы, определяющей экономическое поведение индивида, и осознание роли *экономической* детерминанты — тотального действия «экономического принципа». В отличие от классового принуждения индивидов к тому или иному поведению, экономический принцип также «принуждает», но в несколько ином, менее однозначном смысле. Отличие заключается в том, что экономический принцип не есть нечто полностью внешнее человеку и его интересам, он инкорпорирован в сам жизненный проект человека, является его неотъемлемым элементом. Можно сказать, что он существует как бы «поверх» всех остальных (моральных, психологических и т. п.) антропологических факторов. Говоря о механизме его «работы», мы хотим подчеркнуть принципиально иной — онтологический — способ его функционирования — «над» или «вокруг» всех прочих детерминант. Главное здесь в том, что уже не идет речь о жесткой детерминации, сведении многого к единому и, соответственно, выведении всего многообразия человеческой практики из одного-единственного начала, как это было в случае с марксистской теорией.

В работе В.П. Филатова [1] и фундаментальной книге А.Н. Сорочайкина [2] обстоятельно раскрыто методологическое своеобразие экономических теорий, состоящее в использовании в них антропологических и культурологических допущений. При анализе структуры экономического знания обнаруживается, что его фундаментальной предпосылкой выступает особая модель человека, которая обычно обозначается таким теоретическим конструктом, как «экономический человек» — «*homo economicus*». Стоит подчеркнуть, что это понятие — вовсе не тот среднестатистический что-то покупающий или что-то продающий человек, которого мы хорошо знаем. *Homo economicus* — исключительно рациональный тип. Это или потребитель, тщательно рассчитывающий перед каждой покупкой выгоду и перед принятием решения сравнивающий между собой множество цен, или предприниматель, информированный во всех деталях о ситуации на рынке и

---

* © Шестаков А.А., 2011

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра философии естественных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

выбирающий из всех решений наиболее эффективное для себя. Названная выше модель уже присутствовала в классической политической экономии в трудах А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля и многих других исследователей. Однако в наиболее явном, эксплицированном виде она содержится в современной экономической теории, прежде всего в доминирующем неоклассическом направлении.

Можно согласиться с В.П. Филатовым, утверждающим, что модель «экономического человека» выполняет в экономической науке роль, которую можно сравнить с такими базисными теоретическими схемами естествознания, как, например, набор фундаментальных взаимодействий в физике или генетическая модель наследственности [см.: 1, с. 85]. Однако ее когнитивный статус существенно иной. Дело в том, что данная модель создавалась отнюдь не для исследования характера человека, а для изучения его экономической жизни. Подчеркнем, что это антропологическая *предпосылка* теории, а не сама антропологическая теория, не результат специального изучения человека. В целом главным критерием спецификации данной модели человека является способность к рационально выстроенному поведению. Ведущиеся в литературе разговоры о предельной эгоистичности и почти животной примитивности «экономического человека» кажутся нам недостаточно обоснованными. В этом смысле весьма показательны, например, следующее рассуждение: «На всех этапах развития буржуазной идеологии разными способами создавался и укреплялся миф о человеке экономическом — homo economicus, который создал рыночную экономику и счастлив в ней жить. Эта антропологическая модель легитимировала разрушение старого общества и установление нового очень специфического социального порядка, при котором товаром становится рабочая сила, и каждый человек превращается в собственника и торговца. Важнейшими основаниями естественного права в рыночной экономике — в противоположность всем “отставшим” обществам — являются эгоизм людей-атомов и их рационализм» [3, с. 114]. Не составляет особого труда заметить, что изложенные выше рассуждения имеют явно выраженный морально-оценочный характер. То, что при капитализме рабочая сила становится товаром, — это объективный факт экономической действительности. И в качестве такового он может быть приравнен к статусу физических или математических закономерностей, находящихся, по определению, «по ту сторону добра и зла». То же самое и с «рационализмом» и «эгоизмом» современного экономического человека: наука оперирует этими понятиями не в каком-то уничижительном смысле, а рассматривает их в качестве этически нейтральных гипотез и теоретических допущений.

Вообще говоря, достаточно примитивная моральная критика теоретической модели homo economicus имеет свою традицию и уже поэтому требует серьезных контраргументов. В самом деле, если интерпретировать данную модель в сугубо психологическом или этическом ключе (специфический «образ» человека), то она окажется, не больше не меньше, некой карикатурой и даже пасквилем на человеческую природу. Но в том-то и дело, что такая критика оставляет вне рамок рассмотрение самой специфики данного предмета. Если экономист видит свою задачу в том, чтобы глубоко и всесторонне проанализировать некий реальный аспект человеческой деятельности, то он, что вполне естественно и методологически оправданно, должен будет абстрагироваться от всех остальных ее аспектов, отнеся их в разряд «прочих равных». Какие бы впечатляющие своим многообразием философско-мировоззренческие представления о природе и предназначении человека на уровне личного мировоззрения ни были свойственны тому или иному ученому, он все равно нуждается в абстрактной модели че-

ловека как отправной точке своего научного исследования. Иными словами, *образ* человека и *модель* человека в экономической науке — отнюдь не одно и то же.

Итак, теоретические модели человека в экономической науке необходимо отличать от соответствующих философских попыток всестороннего раскрытия его сущности. Ученые-экономисты, как известно, никогда не задавались целью создать предельно многогранный образ человека и предложить его исчерпывающую дефиницию, — все это относится скорее к сфере интереса философской антропологии. Неполный, а подчас и представляющийся обывателю нереалистичным образ человека, имплицитно присутствующий в любой экономической теории, — это не что иное, как результат специализации этой науки и осознания ею своих методологических границ. Думается, правильным будет и суждение более общего плана: научные модели, сформулированные в рамках социальных наук, принципиально отличаются от соответствующих философских представлений и идей прежде всего тем, что первые аналитичны, вторые же преимущественно синтетичны. И в этом плане философская антропологическая модель — это всегда *результат* исследования, построенного на данных частных наук, тогда как модель человека в социальных науках суть лишь *инструмент* для построения гипотез. Поскольку экономическая наука изучает человеческое поведение, рассматривая его в качестве целенаправленного, то такой подход следует отличать от чисто философских методов, посредством которых осуществляется анализ самих человеческих ценностей и целей. Иначе говоря, на одном уровне своего существования человек выбирает *средства* для достижения данных целей, и именно этот срез составляет область научного исследования. На другом, параллельном первому человек *размышляет относительно* этих целей, их абсолютной ценности, существующей независимо от его частных (возможно, эгоистических) интересов. Первый уровень составляет предмет интереса социальных наук, и в том числе экономической теории, вторым же занимается философия и, прежде всего, один из ее разделов — философская антропология.

Интересно, что существование указанных выше исследовательских подходов зачастую можно встретить у одного и того же ученого. Например, собственно экономические трактаты А. Смита имплицитно содержат в себе гораздо более простую и узкую антропологическую модель, нежели соответствующие представления о человеческой природе, из которых тот же автор исходит в своей известной книге «Теория нравственных чувств». В соответствии с вышеизложенным представляется закономерным, что в экономической теории различают, во-первых, два типа теоретических моделей и, во-вторых, различные степени абстракции одной и той же модели. В первом случае речь идет о различии моделей в смысле аппроксимаций реальности, в принципе допускающих возможность эмпирической проверки, и моделей, имеющих скорее служебный и рабочий характер. Эти последние действительно могут выглядеть как своеобразный пасквиль на действительность, но объясняется это только тем, что они необходимы лишь как базовые *допущения* для выдвижения и последующего обоснования исследовательских гипотез. Все сказанное выше об объективных границах экономической науки и, как следствие, непродуктивности узкоморальной критики в этой области можно подытожить следующим высказыванием: «Требовать от модели экономического человека учета всех основных, сущностных человеческих черт, как это делают многие ее критики, — значит требовать отказа от разделения труда между науками, что, очевидно, неприемлемо. Но существует и опасность обратного знака, когда выводы, полученные с помощью абстрактной модели экономического человека, без необходимых посредствующих звеньев и оговорок применяются к поведению реальных людей» [4, с. 47–48].

Итак, экономический принцип укоренен в самом существовании человека, а не является чем-то искусственным, умозрачительным и навязываемым ему извне анонимной системой. Он подпитывается мощными витальными силами самого человека – честолюбием, стремлением к признанию, потребностью в самоутверждении и т. п. Плохи или хороши данные приоритеты – это уже вопрос оценочный, зависящий от исследовательских задач, а значит, вопрос в данном контексте вторичный. Главное, какими бы они ни были, они, прежде всего, просто находятся в наличии и, будучи имманентными свойствами человеческой природы, нуждаются в адекватной форме социального воплощения, какую им и предоставляют рыночные механизмы.

В порядке развития изложенных выше положений выделим несколько базовых абстракций, в которых будет удобно анализировать структуру экономической деятельности и ее закономерности. Начнем свои рассуждения с понятия «энергия». Понятно, что речь идет о некоей исходной мотивации, которая дает индивиду импульс для разворачивания хозяйственной деятельности в самом широком понимании этого слова, то есть, собственно, о тщеславии, честолюбии, жажде наживы и т. д. Нетрудно себе представить, что в чистом виде описываемый феномен представляет собой во многом дикую и необработанную культурой потребность в безграничном самоутверждении. Это своеобразное «топливо» любых экономических проектов индивида. Но дело в том, что в сложившуюся в обществе систему отношений данная первичная энергия входит вовсе не в этом виде. И вот почему: в такой необработанной форме она просто не в состоянии справиться с тем рыночным механизмом, на предписание которого она наталкивается, как только встречается с объективной реальностью. Чтобы быть хоть в какой-то степени эффективной в условиях действия этого механизма, энергия должна определенным образом приспособиться под «железную логику» его объективных закономерностей. В этой связи, видимо, должна существовать некая иная *субъективная* сила, которая, с одной стороны, смогла бы ограничить «энергию», направив ее в должном направлении и придав ей смысл, а с другой стороны, по своему внутреннему устройству соответствовать сложным структурам самого экономического «механизма». Иными словами, необходим некий посредник между человеческой мотивацией и экономическим механизмом. Таким посредником, с нашей точки зрения, и выступает рациональность индивида, которая в своих основных чертах коррелирует с внутренним (тоже, заметим, рациональным!) устройством рыночного «механизма». Основная характеристика экономической рациональности – оптимизация полезности при минимуме затрат – одновременно является и максимально удобным средством для практического воплощения объективных закономерностей экономики. Можно утверждать, что рациональная структура субъекта и объективная структура рынка в равной мере нуждаются друг в друге как в собственном дополнении, будучи условиями реализации друг друга. В месте их встречи, собственно, и возникает феномен «экономической деятельности» во всем ее многообразии [см.: 5, с. 128–135].

Конкретизацию некоторых из названных выше категорий мы можем почерпнуть из анализа концепции М. Вебера. Тогда категория, обозначенная нами как «энергия», обнаружит еще один свой важный аспект. Будучи замкнутой сама на себя, она представляет собой обычную алчность и ничем не ограниченную ненасытность. Можно заключить, что в таком виде первичная энергия оказывается слепой к любым долгосрочным экономическим проектам, предполагающим стратегический расчет и, главное, отсрочку получения выгоды. Сфера ее интересов ограничивается лишь сиюминутной выгодой, и именно поэтому указанный принцип не способен самостоятельно породить капиталистический способ веде-

ния хозяйства. Согласно взглядам М. Вебера, капитализм «авантюристического» типа ограничивается именно этой примитивной стадией и не переходит в иное качество. Чтобы переформатировать эту энергию, необходим еще один неотъемлемый элемент – «капиталистический дух». Последний, собственно, и предстает в качестве идейной и культурной основы всей хозяйственной деятельности.

Признаем, что предложенная выше схема носит, без сомнения, абстрактный и весьма условный характер. Вместе с тем несомненно и то, что отсутствие единой концепции экономической деятельности сегодня отчасти обусловлено именно нехваткой таких предельно общих абстракций для ее описания. Стоит напомнить, что философское осмысление предметной реальности всегда предполагает высокий уровень обобщения и абстракции. Можно прибегнуть еще к одной аналогии. Известно, что современная квантовая физика и теория относительности были бы просто невозможны без одной из фундаментальных своих предпосылок – так называемого «антропного принципа». В соответствии с ним человеческое сознание в рамках физической теории предполагается изначально соразмерным породившей его Вселенной. Или – иначе – природа могла бы породить только такое сознание, которое в принципе способно ее адекватно познать. На наш взгляд, нечто подобное можно утверждать и относительно экономической системы в целом. С тем, конечно, отличием, что в этом конкретном случае речь идет о хозяйственной деятельности как чисто человеческом предприятии. Другими словами, экономическая система могла породить только такого человека, который способен полноценно действовать и утверждать себя в рамках этой системы. Можно продолжить: он должен быть наделен определенной способностью, коррелятивной данной системе в своих основных моментах и позволяющей ему адекватно в ней ориентироваться и к ней приспосабливаться. В самом общем виде такую способность можно было бы назвать «экономической рациональностью». В категориальных средствах экономической науки она описывается моделью эффективной рациональности как максимизации полезности. Сумма же всех предельных логических требований к такому человеку составляет антропологическую модель «*homo economicus*».

И еще одно замечание: рассматриваемая здесь корреляция ни в чем не противоречит феномену отчуждения как элементу любой человеческой практики. Отчуждаясь от человеческой деятельности и превращаясь в самостоятельный бытийный феномен, рынок в своей структуре на более сложном уровне воспроизводит структуру человеческой рациональности, а точнее – ее объективный слой, не зависящий от чьих-либо индивидуальных психологических особенностей. В данном случае вряд ли имеет смысл говорить о какой-то мистической предустановленной гармонии между внешней экономической действительностью и хозяйственной деятельностью субъекта. Уместнее будет вспомнить известный кантовский принцип, согласно которому человек способен познать в предмете только то, что он сам в него вложил. Для агента экономического действия познание неотделимо от самой его деятельности: собственно говоря, хозяйственная практика и есть тот способ, которым он осваивает (иначе говоря, познает) рыночные закономерности. Поэтому совсем неудивительно, что индивид, приступая к каким-либо действиям, в условиях и объективных предписаниях, предъявляемых ему рынком, узнает требования и аксиомы собственной рациональности.

Библиографический список

1. Филатов В.П. Антропологические предпосылки экономической теории и проблема рациональности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 4. С. 85–92.
2. Сорочайкин А.Н. Homo economicus: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий. Самара: ООО «Офорт», 2009. 352 с.
3. Кара-Мурза С. Краткий курс манипуляции сознанием. М.: Алгоритм, 2002. 285 с.
4. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк. и др., 1998. 230 с.
5. Хаусман Д.М., Макферсон, М.С. Серьезное отношение к этике: экономическая теория и современная моральная философия // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 112–234.

A.A. Shestakov*

ECONOMIC PRINCIPLE AS A RESEARCH PROGRAM: THE INTERACTION OF SUBJECT AND REFLEXIVE LEVELS

The object of study in the article appears dominant in modern economic theory research program. On concrete examples the difference in functioning of theoretical constructs of ideological doctrines of philosophical and economic theory is illustrated. Particular attention is paid to the demarcation of subject and reflexive levels of economic research.

Key words: foundations of science, reflection, ideal model.

---

* *Shestakov Alexander Alexeevich* (ShestakovAlex@yandex.ru), the Dept. of Philosophy of Natural Science Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.